

93-й НЕ ДОЛЖЕН ПОВТОРИТЬСЯ

Литературоведческие мечтания: возвращение Максима обязательно состоится

*Независимая газета. — 1998.
— 4 марта. — с. 7*

Вадим Баранов

СОВСЕМ недавно страна достойно отметила 125-летие со дня рождения великого русского певца Федора Ивановича Шалапина. Центром торжеств была его родина Казань, но в той или иной степени чествовали его повсеместно. Как теперь говорят, были задействованы все СМИ: газеты, радио, ТВ.

Ближайшим другом Шалапина был Горький. И как же отмечалась пять лет назад его та же самая знаменательная дата? А никак! (Исключение — разве что Нижний Новгород.) Больше того, были и такие, кто даже старался не вспоминать про нее. И если подавляющее большинство россиян, обремененных житейскими невзгодами, могли юбилей пропустить по забывчивости (до Горького ли, жизнь и без того горька), то не заметить старались те, кому вспоминать полагалось бы по чину, по должности.

А было так. Только что возникший после августовского путча 1991 года демократический писательский союз, в котором мне предложили работу, одновременно подготовил целый пакет предложений. Одно из них — формирование международного Оргкомитета с участием представителей зарубежья.

Инициатор создания союза и его глава Евгений Евтушенко восторженно поддержал инициативу. Начали толкаться в двери инстанций. Лично мне пришлось тогда беседовать со многими — от советника президента до академика. И все встречали предложения, мягко говоря, без энтузиазма. А Министерство культуры, которое, кстати, возглавлял профессиональный литератор, просто отфутболило бумаги в Институт мировой литературы. Центр горьковедения в таком нападении вовсе не нуждался, а предложения выходили далеко за рамки интересов чисто академических структур. Весь юбилей и свелся в конце концов к имлийской конференции при далеко не битком набитом зале.

Причину столь пассивного отношения «инстанций» к юбилею в 1993 году раскрыл известный норвежский филолог Гейр Хьетсо. «В последнее время снова стали говорить о «конце Горького». Создалось впечатление, что писатель у себя на родине уже не принадлежит к числу особенно модных и почитаемых. Характерная черта недавних работ о Горьком — какая-то злобная радость, причем писатель иногда объявляется чуть ли не вне закона. Уж каким сомнительным человеком был, мол, этот «буревестник»! Показательно громкое заявление одного популярного журналиста, будто «развенчание Горького — один из «политических процессов» нашего времени».

Хьетсо прав вдвойне. Подчеркивая ненормальность ситуации с Горьким на его родине, он тем самым одновременно дает понять, что за рубежом дело обстоит иначе. И глубоко прав. У нас дома стало совершенно невозможно издать книгу о Горьком (что я испытал на собственной шкуре, мыкаясь по нижегородским и столичным издательствам лет пять, пока не вышел наконец «Горький без грима» (книга, которую выкинула из плана федеральной поддержки дирекция издательства «Московский рабочий», несмотря на заказы из 12 стран). А тем временем на Западе появилось сразу несколько книг. В первую очередь в Германии (Цецилии фон Штудниц, Армина Книгге, Ханса Гюнтера). В тот же ряд встает монография упомянутого Хьетсо, кстати, недавно выпущенная на русском. Никого из них нельзя упрекнуть в неуважительном отношении к писателю, даже если они не согласны с ним в чем-то в принципе.

Парадокс: тогда, в 1993-м, в России все же появилась одна небольшая книга о Горьком. И принадлежала она перу американского профессора Ирвина Уайла, выпустившего ее на русском. Рецензент справедливо и не без «подначки» свой отклик на нее озглавил так: «Американец защищает Максима Горького».

Я в общем-то против слепого копирования заокеанских стандартов, но тут перед американцем готов снять шляпу. Спасибо представителю «цивилизации мирового империализма». И — позор нам, россиянам... Надеюсь, у меня еще будет возможность высказаться об истоках такого, скажу без обиняков, дикого отношения к Горькому. А сейчас, чтобы закончить предысторию, — только об одном факте в 1993 году. Не дожидаясь никаких сигналов «сверху», «Известия» за две недели до юбилейной даты опубликовали обширную статью «Максим Горький и его трагедия». И тут спохватилось еще

несколько влиятельных газет (хотя подавляющее большинство газет так и не посвятило юбилею ни строчки).

Времена изменились. Исчезла ненужная помпезность. Ее не жаль. Жаль, что слишком живучей оказалась «зловонная радость». Она дожила вплоть до наших дней, когда писателя объявляют предателем своего народа.

Вся беда в том, что хулители (а уж миллионы-то простых россиян — тем более) не знают подлинного Горького. В их глазах он — официоз, верный слуга сталинского режима и т. д. Но уже доказано, что это миф, виртуозно сработанный пропагандистской машиной вождя, закамуфлировавшего подлинного Горького, который все более извращался от иллюзий и вступал в конфликт с тоталитарным режимом. Задача общенациональной, государственной важности — донести эту правду до масс, и нынешняя дата дает для этого шанс, не воспользоваться которым было бы непростительной ошибкой.

Наверное, прежде всего надо

время сообщил озадаченно, что на эту затею зав. соответствующей кафедрой отреагировал «кисло». Дело в том, что сам зав. увлечен Набоковым.

Про среднюю школу нельзя сказать, что Горький в ней забыт. Его «проходят». (Те ли произведения изучают и так ли — другой и очень важный вопрос.) Но я сейчас о тех крайностях, о которых говорилось выше. Назрела пора всерьез показать (и доказать!), сколь несправедливо выдавать Горького за певца ГУЛАГа, каким бы авторитетом ни осенялось имя того, кто не без той самой «зловонной радости» навязывает нам эту точку зрения.

Возникают недопустимые в педагогическом отношении «ножницы»: на кухне о Горьком говорят одно, а в сочинении надо писать другое. Для учителя, для отметки...

Живем мы в условиях рынка со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но, наверное, проблема «культура и рынок» гораздо более специфична, нежели все остальное. Существуют же отстоявшиеся международ-

А разговор ведут гости: Стив Козн и Лазарь Флейшман из Америки, Мишель Нике из Франции, Вольфганг Казак из Германии, Витторио Страда из Италии, Люциан Суханек из старейшего Ягеллонского университета в Кракове (и, кстати, председатель Оргкомитета всемирного конгресса славистов в августе), Хацуо Итихара из Японии, Тань Де-Лин из Пекина, Жорж Нива из Женевы... Ну и наша «команда» им подстать. Кинематографисты, имеющие прямое касательство к Горькому: живой классик Э. Рязанов (он уже в курсе), Г. Панфилов, С. Урсуляк; театральные деятели: Т. Доронина, О. Ефремов, Ю. Любимов, М. Захаров, К. Райкин, А. Смелянский, В. Вульф; писатели: академики Д. Лихачев, А. Солженицын; Е. Евтушенко, В. Распутин, Ю. Давыдов, Л. Васильева, Э. Радзинский, С. Есин, М. Швыдкой. Уж их-то голоса — не то что наши хлипкие литературоведческие — наверняка услышат все.

Печать, радио, телевидение не упустят своего шанса. А состояться рейс должен 18 июня, в день, когда писателя не стало.

Нужен всего один день (утром выехали, вечером вернулись). И теплоход (один) достаточно скромный, с точки зрения современных новых русских. Но именно на нем совершал свой последний рейс по Волге великий писатель. Больной, измученный подспудной травлей, организованной Сталиным. На теплоходе сохранилось все, как в те времена. Включая горьковскую каюту. После 18 июня теплоход стал правительственным. На нем не раз отдыхал «великий вождь». О чем думал он, сидя в той самой каюте, где уединялся крамольный писатель от окружающих его энквэдэшников, из которых сплошь была укомплектована команда?

Быть может, о том, как извлечь из смерти Буревестника наибольшую выгоду, выдав начинающего диссидента за своего лучшего друга и ставя его в пример всем писателям мира...

В доказательство того, что рейс требует весьма и весьма скромных расходов, региональная общественная организация «Нижегородское землячество» в Москве, уже включившаяся в горьковские дела, провела такой пробный рейс для проживающих в столице нижегородцев.

Кстати, и в Нижнем могли бы определяться уже с предложениями «землячества»: глядишь, включаться в дело и пригласят иностранных гостей на родину классика, а заодно прокатят и в пушкинское Болдино и свяжут тем самым имена двух великих писателей, каждый из которых открывал новый век русской национальной культуры.

Чтоб закончить о «водной части» юбилея. На Западе давно бы нашлась предприниматель, который «откупил» судно и организовал регулярные прогулочные рейсы для интуристов, сопровождаемые рассказами о сенсационных событиях в жизни писателя и его трагической смерти.

Мне бы не пришлось писать эту затянущуюся статью, если бы раньше была реализована выдвигавшаяся в Н. Новгороде, Петербурге, в Подмоскovie идея создания «Горьковского общества». Оно бы ставило и решало весь комплекс вопросов, связанных с изучением и пропагандой жизни и творчества великого россиянина. Возглавлять «ГО», на мой взгляд, должен один из крупнейших писателей или деятелей культуры. Не предвосхищая конкретики устава, скажу: всю работу на общественных началах должны вести три заместителя (наука, образование, СМИ).

«ГО» должно быть свободно от чьих бы то ни было амбиций и ведомственных поползновений.

Хотелось бы надеяться, что найдутся понимающие важность дела спонсоры (включая и уважаемую «Независимую газету», которая более других общеполитических газет уделяет внимание культуре, не забывая при этом и Горького).

А в заключение наконец самое-самое главное. Смысл предстоящего 130-летия не только в осуществлении операции под «кодовым названием» «Возвращение Максима». Качественно новое понимание роли Горького в развитии отечественной и мировой культуры должно вывести на новый уровень мышления в подходе к драматическим процессам развития послеоктябрьской культуры в целом. Необходим честный, высокопрофессиональный (начисто исключающий претенциозный дилетантизм) подход к решению поставленных задач во всей полноте фактов, как бы противоречивы ни были они.

От редакции: «Независимая газета» поддерживает идею автора и собирается принять самое активное участие в праздновании 130-летия со дня рождения Максима Горького.

И.Ф.Борисов. Горький в Самаре.

бы ознакомить массового читателя (и прежде всего школьников и студентов-филологов) с живыми свидетельствами очевидцев событий жизни и творчества Горького: что он был за человек. Количество мемуаров о нем огромно, и причина — в невероятной «коммуникабельности» классика. «Пропускная способность» его в этом отношении была невероятна.

Последний двухтомник «М. Горький в воспоминаниях современников» (1981) безнадежно устарел не только по составу, но и типу самого издания. Осенью 1994 года в «Известиях», напоминающая о невыполненных предложениях к несостоявшемуся юбилею, я вновь упомянул о необходимости издания мемуаров. Как говорится, инициатива наказуема. Меня немедленно разыскало издательство «Республика» и уговорило сделать безумный шаг — взяться одному за эту неподъемную работу. И даже — не беспрецедентный ли в издательской практике случай? — приехали домой заключать договор, т.к. буквально на другой день я уезжал на работу за рубеж.

Труд пришлось проделать гигантский, книга, по-моему, получилась интересной. Но в нынешней России все так нестабильно, и как бы не постигла сборник участь «Горького без грима». Во всяком случае, «хождение по мукам» уже началось...

Другое издание, которое может быть осуществлено только коллективно, — это «Летопись жизни и творчества М. Горького». Выпущенная ИМЛИ в доисторические времена (1958—1961), она еще приносит пользу. Но требует радикального обновления. Так, «враги народа» в ней, естественно, отсутствуют, и вместо А. Рыкова встречаем Рыклина. Подобное издание энциклопедического типа необходимо позарез. Без исчерпывающей информации о Горьком невозможна работа над академической историей русской литературы XX века.

Когда мы сейчас говорим о проблеме «государство и культура», речь идет прежде всего о деньгах (точнее, об их фатальной нехватке). Между тем не все упиралось в финансы. Предложился как-то ректору одного вуза подумать, что можно сделать для приближения студентов к Горькому. К моим сообщениям он отнесся с заинтересованностью, но спустя некоторое

время и национальные художественные ценности, приоритеты, без освоения которых специалист не может считаться полноценным. А у нас даже учебные пособия издаются, где Горький разжалован в классики второго сорта и должен уступить место тем, кто был жертвами режима.

Серьезный разговор о принципиальных, исходных моментах преподавания литературы XX века в высшей школе назрел давно. Хочется надеяться, дело продвинет вперед научная конференция, организуемая кафедрой истории русской литературы XX века МГУ в конце марта 98-го года.

Пока очевидно одно: в молодежи воспитано прочное неприятие Горького. В вузе выражается это в минимуме (или отсутствии) курсовых и дипломных работ, а затем и диссертаций. Любопытно было бы познакомиться со статистикой, но уверен, что Минвуз ею не располагает. Так, может, стоит собрать ее, проанализировать? Заодно и посмотреть, когда защищена в России последняя кандидатская о Горьком...

Что касается научного изучения классика, то в последнее время происходят определенные сдвиги. ИМЛИ выпустил ряд полезных сборников. Архив издал прекрасный том переписки с Роменом Ролланом. Сдвинулось с мертвой точки издание эпистолярной серии академического Полного собрания сочинений.

Все дело, однако, в том, что академическая наука живет своей жизнью. И даже когда она предлагает нечто полезное, продвигается это в жизнь как-то робко, нехотя. А при нынешних тиражах в тысячу экземпляров голос ее услышать педагогу весьма затруднительно.

И вот тут явно не от хорошей жизни, в результате долгих размышлений родилось у меня одно сумасшедшее предложение. А собрать бы в одной компании крупнейших в мире специалистов, посадить на теплоход «Максим Горький» да устроить на нем международный «круглый стол»: «Исход XX века и трагический опыт Максима Горького». Плещет волжская волна. Чайки за кормой... И сносит ветер все наветы и напраслины на писателя, гасит мелкие страстишки людей, «приписанных» к Горькому и наивно полагающих, что уже это повышает их реальный научный потенциал...